

Лю Лимэй

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

ПРОЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И КОЛОНИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА «ГОРЦЕВ» В «ТОНО МОНОГАТАРИ»

Аннотация. «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари») Янагиты Кунио (1875–1962) считаются классикой японской фольклористики и в то же время выдающимся литературным произведением. Это породило длительные дебаты в научных кругах о соотношении в тексте «достоверного» и «вымышленного». Данная работа посвящена анализу ключевой части книги — цикла рассказов о «горных людях». Установлено, что у образа «горных людей» три прототипа: ёкаи из народных верований, коренные жители Японии айны и коренное население японской колонии на о. Тайвань. В результате анализа отношения Янагиты Кунио к японскому колониализму обнаруживается неприятие ученым его бесчеловечности. Введя в текст «Рассказов из Тоно» три варианта сюжета «горные люди наводят страх на деревенских жителей», Янагита Кунио выстроил целостную логическую схему литературного нарратива, продемонстрировал возможность и идеальную модель мирного сосуществования жителей равнин и горных людей, или колонизаторов и коренных народностей.

Ключевые слова: горные люди, айны, Тайвань, национальная интеграция, колониализм.

Liu Limei

(St. Petersburg State University, Russia)

THE PROJECTION OF THE NATIONAL INTEGRATION AND COLONIAL HISTORY: THE IMPLIED MEANING OF THE IMAGE OF “MOUNTAIN PEOPLE” IN *THE LEGENDS OF TŌNO*

Abstract: *The Legends of Tōno* by Yanagita Kunio (1875–1962) is considered to be a Japanese folklore classic and an excellent literary work as well. This fact caused a long-standing debate about the “authenticity” and “fictionality” of this work. This article analyzes the key part of the book — the “mountain people” series of stories, and finds that this image has three prototypes in the real world: monsters in folk belief, the Ainu people of Japan, and the indigenous peoples of colonial Taiwan. This article further analyzes Yanagita Kunio’s attitude towards Japanese colonialism and finds that he fundamentally opposed the barbarism of Japanese colonialism. In the text of *The Legends of Tōno*, the author arranged three narrative models of the “mountain people scare the villagers” and finally constructed a holistic literary narrative logic, showing the ideal model of peaceful coexistence between lowlanders and mountain people, or colonizers and indigenous peoples.

Keywords: mountain people, Ainu, Taiwan, national integration, colonialism.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования в данной статье является знаменитый японский фольклорист и писатель нового времени Янагита Кунио (1875–1962). Он родился в Японии после реставрации Мэйдзи, в период, для которого было характерно преклонение перед западной наукой и постепенный упадок «китайской школы». Однако его отец, а также дед и бабушка по отцовской линии были выдающимися знатоками китайской науки, и Янагита Кунио с детства читал поэтические и прозаические произведения на китайском языке из огромной домашней коллекции, а в 13 лет составил собственный сборник китайских стихов «Игры с палочкой-лошадкой». «Декламация поэтических произведений, создание китайских стихов в детские годы оказали определяющее влияние на развитие идей и литературного стиля Янагиты» [1, с. 3]. После окончания университета по специальности «Аграрная политика» он поступил на работу в Министерство сельского хозяйства, торговли и промышленности Японии; работа предполагала частые поездки по деревням в разных частях страны, в ходе которых у Янагиты возник самый сильный интерес к местным обычаям, верованиям и преданиям. В 1908 г. от выходца из деревни Тоно по имени Сасаки Кидзэн Янагита услышал народные сказания его родных мест, чрезвычайно заинтересовался, записал их, а в 1910 г., упорядочив эти записи, издал книгу «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари»).

После Второй мировой войны Янагита Кунио стал первопроходцем и основоположником японской фольклористики нового времени, а книга «Рассказы из Тоно» была признана в качестве первой и классической работы в этой области. Однако, с другой стороны, в литературных кругах «Рассказы из Тоно» считаются выдающимся литературным произведением. Это породило среди ученых длительные дебаты о соотношении «достоверного» и «вымышленного» в тексте книги. Данная статья посвящена ключевой части «Рассказов из Тоно» — серии историй о «горных людях»; автор ищет прототипы «горных людей» в реальной жизни, исследует позицию Янагиты Кунио по отношению к колониальной политике Японии, а затем демонстрирует, что именно домыслил писатель в этой части произведения, выстраивая повествование определенным способом, и какой политический идеал он таким образом выразил.

1. ВАЖНОСТЬ «ИСТОРИЙ О ГОРНЫХ ЛЮДЯХ» В «РАССКАЗАХ ИЗ ТОНО»

В предисловии к «Рассказам из Тоно» говорится: «В наших горных деревнях, еще более глухих, чем Тоно, непременно обнаружатся бесчисленные предания о горных божествах и горных людях. Пусть их расскажут — чтобы жители равнин содрогнулись». Янагита с особым рвением коллекционировал «предания о горных божествах и горных людях». Выражение «горные люди» в японском языке указывает либо на людей, которые работают в горах или живут там в уединении, либо на «святых отшельников». В книге «Рассказы из Тоно» главным об-

разом излагаются именно истории о произошедших в горах случайных встречах деревенских жителей с «горными людьми». Поэтому анализ историй о «горных людях» дает ключ к пониманию произведения.

2. ПРОТОТИПЫ «ГОРНЫХ ЛЮДЕЙ» В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Истории о «горных людях» в «Рассказах из Тоно» делятся на четыре категории: истории о «горных духах», о *тэнгу*, о «горных мужчинах» и о «горных женщинах». Таким образом, в книге нет единого образа «горного человека», различаются и прототипы горцев.

Прототип 1: чудовища (*ёкаи*) из народных преданий.

Истории о «горных людях» интересовали Янагиту еще до написания «Рассказов из Тоно». В 1905 г. в «Записях о преисподней» он описал *тэнгу*; в марте 1909 г. опубликовал «Истории о *тэнгу*»; в 1910 г. в 12-м номере журнала «Новое течение» («Синтё») вышло его «Исследование горных людей», специально посвященное проблеме прототипа этого образа.

Насколько мне известно, от южной оконечности Кюсю на западе до [гор] Оу на востоке, по всей стране, куда бы я ни пришел, почти нет таких мест, где не услышишь преданий о горных людях... В разных местах [их] иногда называют горными духами, иногда называют горными мужчинами, горными женщинами или горными детьми, горными дамами, горными старцами, горными старухами, также их называют крупными людьми... Эти легенды совпадают вплоть до мельчайших деталей... Некоторые из них рассказываются с религиозными целями, а другие исходят из фантазий суеверных людей... По крайней мере, это также часть явления, не мешало бы относиться к этому как к информации о горных людях.

Здесь Янагита указывает, что часть преданий о «горных людях» содержит толкования, искусственно притянутые к религии, а также выдумки суеверных людей. Впоследствии он поместил эти истории в сферу «изучения *ёкаев*» и, собрав по всей Японии соответствующие предания, составил «Перечень *ёкаев*». Проанализировав сведения об этих сверхъестественных существах, он отметил: «*Ёкаи* — это рудименты древних верований, они появились в период перехода к новым верованиям». «Они коренятся в глубокой внутренней тревоге и страхе людей», их можно назвать «иной реальностью» («Разговор о *ёкаях*», 1956) [1, с. 819–820]. Диковинные *тэнгу* из историй о «горных людях» как раз относятся к категории *ёкаев* из народных верований.

Прототип 2: представители коренного населения Японии — айны.

Во многих историях о «горных людях» горцы вмешиваются в реальную жизнь деревенских жителей, т. е. они уже предстают не в качестве выдуманных персонажей. В «Исследовании горных людей» Янагита отмечает:

Термин «горные люди» в японском языке изначально указывает на людей, живущих вне нашего общества, на этнос, живущий отличной от нас жизнью... «Историко-геогра-

фическое описание нового времени» и «Японо-китайский иллюстрированный сборник трёх миров» (Вакан сансай дзюэ) относят горцев к категории диких животных, а тысячу лет назад, например в записях «Внутриведомственных инструкций годов Энги» (Энгисики), этим словом обозначали другой этнос, проживавший в горах изолированно от мест проживания японцев.

Янагита полагал, что в истории Японии «горные люди» представляют собой «иной этнос, проживающий в горной местности». Так что же это за иной этнос, почему эти люди живут в горах? В 1909 г. в работе «Истории о тэнгу» Янагита писал:

Это наводит на мысль, что наши предки приходили в места, где жили предки теперешних айнов, занимали болотистые земли в горных долинах, слабо связанные с экономической жизнью айнов, устраивали поля и поселялись поблизости... Это не означает, что эмиси со всей страны перебрались на о. Хоккайдо... В учебниках по истории для средней школы написано, что все первоначальные жители Японии переселились на север, это утверждение не имеет под собой оснований. Другой вопрос, представляют ли собой одно и то же саики, цутигумо, кудзу и эдзо. Потомки этих коренных жителей беспредельно привязаны к данному острову и никогда его не покидали. Шесть префектур Оу, по крайней мере до периода правления Минамото-но Ёритомо, все еще были полны диких инородцев... Говорят, в пределах пограничных укреплений Оу с тех пор как генерал Тамура в полной мере продемонстрировал военную силу, в таких горных местностях, как восемь областей Канто, эмису и японцы всегда жили бок о бок. На протяжении длительного времени сохранялся мир, в то же время не прекращалось и убеждение военной силой.

Здесь Янагита впервые поставил в один ряд «горных людей» и айнов, малую народность Японии. В том же году он завершил первый вариант «Рассказов из Тоно». Можно предположить, что, записывая истории деревни Тоно о «горных людях», он связывал их с айнами, которые отличаются от этнических японцев. Янагита полагал, что не все коренные жители Японии переселились на о. Хоккайдо, на самом деле некоторые из них остались и «всегда жили бок о бок» с японцами. Очевидно, в его глазах эти «потомки коренных жителей» как раз и были реальным прототипом «горных людей», описанных в «Рассказах из Тоно».

После реставрации Мэйдзи в Японии началось ускоренное создание «национального государства» по западному образцу. Такие местности, как Хоккайдо, вошли в состав территории Японии, айны были интегрированы в качестве «японских подданных». В 1869 г. японские власти Хоккайдо утвердили «Правила помощи переселенцам» и стали привлекать переселенцев для освоения целинных земель. К 1899 г. количество переселенцев из внутренних районов достигло «7337 дворов, 399 011 человек». Эта реальность отражена в «Рассказах из Тоно». Так, в рассказе № 13 описан старик, который жил в горах в полном одиночестве, без всякой поддержки — не потому, что у него не было детей, а потому, что «все дети уехали на Хоккайдо, и он остался один». Правительство Мэйдзи продавало участки на Хоккайдо тем, кто брался распахивать целину, и не только лишало

местных земли, за счет которой они жили, но также активно осуществляло политику культурной ассимиляции. Так, в «Журнале Комиссии по колонизации Хоккайдо» за 1869 г. опубликованы запреты — «строго запрещалось» «делать татуировку новорожденным», «носить серьги мужчинам», от айнов требовали старательного изучения японского языка. Опубликованный в 1899 г. «Закон о покровительстве старому коренному населению Хоккайдо» устанавливал, что местные жители, не занятые земледелием, не будут признаваться «подданными». Для айнов, на протяжении длительного времени живших охотой и рыболовством, это, несомненно, означало разрушение самих основ их существования.

В то время как айны постепенно вымирали под влиянием «политики покровительства» японского правительства, иностранцы приступили к активным антропологическим, археологическим и лингвистическим исследованиям данного этноса. Так, британский консул В. Динингер с энтузиазмом исследовал лексику айнов, а переводчик австралийского диппредставительства Х. фон Хипультер изучал айнские обычаи. В 1895 г. Антропологическое общество Хоккайдо было учреждено и японскими учеными. Таким образом, варварская айнская культура перенеслась из пространства реальной жизни в антропологические, этнологические исследовательские отчеты. Видимо, именно под воздействием атмосферы эпохи Янагита и стал связывать «горных людей» из преданий Тоно с айнами.

Прототип 3: коренные народы японской колонии на о. Тайвань.

В «Историях о *тэнгу*» Янагита приводит такое сравнение:

Вовсе не значит, что эмиси со всей страны перебрались на Хоккайдо, это как если бы продвижение разграничительной линии на Тайване вытеснило дикарей.

«Разграничительная линия» (*айюсэн*, линия сторожевых постов) здесь первоначально имела значение передовой линии обороны, созданной жителями равнин на Тайване для противостояния горным коренным этносам [2, с. 56]. Начиная с периода правления династий Мин и Цин ханьцы, мигрировавшие в южном направлении, конкурировали с коренными этносами за необходимые для жизни ресурсы, прежде всего за землю и воду, что приводило к частым конфликтам. Из-за этого разграничительная линия на Тайване была не только линией фронта, вдоль которой развивались военные действия между различными этническими группами, но также и производственно-бытовым рубежом, очерчивающим территорию, где та или иная группа людей могла добывать необходимые для жизни ресурсы. По Симоносекскому договору 1895 г. Япония, одержавшая победу в Японо-китайской войне, оккупировала Тайвань, и управление «разграничительной линией» из рук тайваньских ханьцев перешло к японцам. Постепенно у нее осталось значение лишь линии фронта, вдоль которой японские колонизаторы осуществляли подчинение коренного населения чисто военными методами.

Почему Янагита Кунио, обсуждая проблемы иноэтничных жителей японских островов, по ассоциации вспоминал Тайвань? Безусловно, это тесно связано с тем вниманием, которое он уделял японской колонии на Тайване. Именно

в тот период японские власти активизировали исследования, связанные с планами по внедрению современной правовой системы на недавно аннексированном Тайване. Янагита Кунио, будучи чиновником Министерства сельского хозяйства, торговли и промышленности, многое знал о тайваньской колонии. Возможно, забота об этой колонии даже входила в круг его обязанностей. Уже в 1902 г., читая в университете лекции об «Изучении сельскохозяйственной политики», он столкнулся со специфическими проблемами земельных прав на Тайване. Его также очень взволновало знакомство с обзорными отчетами о коренных жителях Тайваня, таких как «Исследование обычаев тайваньских варваров».

Кроме того, стоит заметить, что по завершении первого чернового варианта «Рассказов из Тоно» автор лично отправился в деревню Тоно, после чего дважды полностью переработал текст, и лишь тогда решился его опубликовать. Однако в эту свою единственную поездку в Тоно Янагита не пригласил рассказчика историй Сасаки Кидзэна, чтобы тот на месте помог глубже вникнуть в их содержание, и не проявил особого интереса к выяснению точного смысла деревенских легенд о «горных людях». Зато он нанес визит уроженцу Тоно — антропологу Ино Канори. Янагита расспрашивал Ино о древних обычаях Тоно, а некоторые ученые предполагают, что при контактах они затрагивали и проблемы тайваньской колонии [3, с. 89]. Ино Канори был одним из первых антропологов, проводивших полевые исследования на Тайване. С этой целью он приехал на остров после окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Впоследствии им были составлены такие капитальные труды, как «История политики в отношении варваров на Тайване» и «Десять лет управления Тайванем». Еще до знакомства с Ино Янагита читал его статью, посвященную обычаям айнов, в «Токийском антропологическом журнале». После смерти Ино Канори его «Записки о культуре Тайваня» были опубликованы исключительно благодаря поддержке Янагиты.

Влияние Ино Канори на создание «Рассказов из Тоно» несомненно. Более того, Ино упоминается в тексте книги. Так, в рассказе № 91 при описании возмездия, постигшего деревенского жителя за его вызывающее поведение в отношении горца, говорится:

Этого человека знали такие люди, как господин Ино. Эти события произошли более десяти лет назад.

Этот «господин Ино» — Ино Канори. Разговор между интересовавшимся Тайванем Янагитой и хорошо знакомым с Тайванем Ино вполне естественным образом должен был от «горных людей» Тоно перетечь к тайваньским «варварам».

3. ОТНОШЕНИЕ ЯНАГИТЫ КУНИО К КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Ряд японских ученых придерживаются мнения, что истории о «горных людях», введенные Янагитой Кунио в текст «Рассказов из Тоно», служили японской колонизации Тайваня, а сам Янагита может быть причислен к пособникам япон-

ского колониализма [4, с. 95], однако на основании приведенных выше доводов этот подход можно, пожалуй, считать односторонним.

Прежде всего следует отметить, что в 1895 г., когда Ино Канори по заданию японского Военного министерства отправился на Тайвань, его действительно отличали «патриотическое рвение» и высокомерие колонизатора, нацеленного на покорение дикарей. Однако в процессе полевых исследований он неоднократно фиксировал в дневнике виденные им лично примеры «китаизации варваров», «варваризации китайцев», слияния китайской и аборигенной культур в период управления островом династией Цин. Это заставило его по-новому взглянуть на реалии японского колониального господства. В 1910 г. японский генерал-губернатор Тайваня с крайней жестокостью провел тотальную чистку коренных племен. Ино опубликовал статью, в которой выразил «некоторые сомнения» в отношении правильности решения «резиденции генерал-губернатора пойти войной на дикарей» [5, с. 423]. Таким образом, его мнение начало расходиться с мнением представителей колониальных властей.

Янагита Кунио, подобно Ино Канори, уже после публикации «Рассказов из Тоно» тоже выражал недовольство бесчеловечностью колониального управления Японии на Тайване. В 1914 г. он в качестве главы секретариата верхней палаты парламента принимал участие в разбирательстве по установлению степени ответственности генерал-губернатора Андо Садаёси за жестокие репрессивные методы подавления местных жителей во время «инцидента у храма Сэйрай» на Тайване. В марте 1917 г. Янагита для расследования этих событий лично отправился на Тайвань, после чего посетил также материковый Китай. 28 июля Янагита в своем выступлении в Японии, в г. Мацумото префектуры Нагано, отметил, что в прошлом японцы в корне неправильно смотрели на Китай, что «мы, японцы, слишком увлеклись усвоением отношения европейцев и американцев к Китаю». Таким образом, Япония, «не будучи христианской страной, ошибочно усвоила отношение к Китаю христианских стран». «Ошибочный подход действительно заставит потомков устыдиться». Таким образом, Янагита был в принципе против того, чтобы Япония брала пример с западной политики колониальной агрессии в отношении Китая. Его высказывания с позиции высокопоставленного государственного чиновника вызвали гнев властей. Руководство решило, что во время тайваньской инспекции 1917 г. Янагита вышел за рамки полномочий главы секретариата верхней палаты парламента, и вскоре ему пришлось уйти в отставку. В конце концов он полностью отказался от служебной карьеры и встал на путь создания японской фольклористики.

4. СКОНСТРУИРОВАННАЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В предисловии к «Рассказам из Тоно» автор обозначил цель изложения историй о горных божествах и горных людях — он надеялся, что сможет заставить «жителей равнин содрогнуться». Истории, ядром которых является повествова-

тельная модель «горный человек наводит страх на деревенского жителя», можно разделить на три типа.

Тип 1: диковинный облик *тэнгу* и жестокость мужчин-горцев наводит страх на деревенских жителей.

... Уже засыпая, почувствовал в ночи какой-то звук, оказалось, что это существо, похожее на лысого ёкая. Красная одежда на теле напоминала птичьи крылья. Хлопая крыльями, оно кружилось над верхушкой дерева. Он внезапно выстрелил, чудовище испугалось, взмахнуло крыльями и улетело. В тот миг страшно было необычайно. Таких невероятных встреч было три. Тот человек каждый раз клялся не стрелять, обещал духу-покровителю местности, а затем каждый раз в конце концов менял свое решение. Впоследствии вспоминали, что он говорил людям — видимо, только с возрастом можно отказаться от охотничьего промысла¹.

Например, *тэнгу* в рассказе № 62 представляет собой лысое летающее «чудовище» с красными крыльями. *Тэнгу* здесь не только внушает ужас своим обликом, но может заставить ружье охотника утратить свою мощь, поэтому охотника охватывает ни с чем не сравнимый страх. Автор подчеркивает, что *тэнгу* вовсе не вредил охотнику, но охотник так и не смог отказаться от привычки сразу стрелять.

У деревни Мацудзаки есть гора под названием «Лес тэнгу». Юноша работал на тутовой плантации рядом с деревней у подножия той горы, и напала на него сонливость, захотел на короткое время на обочине поля вытянуться, смотрит — появилось ярко-красное лицо огромного мужчины. Юноша от рождения обладал веселым нравом, больше всего любил борьбу сумо, видит — этот огромный никогда ранее невиданный мужчина прямо перед ним. Весь его облик — сверху вниз — вызывал отвращение. Не раздумывая, юноша встал и спросил: «Ты откуда?» Тот человек не ответил, и юноша попытался врезаться в него изо всех сил, прорваться с помощью силы ног. Только коснулся рук огромного мужчины, как, напротив, сам отлетел назад и потерял сознание. К вечеру юноша пришел в себя, того человека уже не было. Вернувшись домой, юноша рассказал эту историю. Осенью того же года юноша, ведя лошадь, вместе со многими людьми пошел собирать урожай у подножия горы Хаятинэ. Собрались в обратный путь — а юноша пропал. Люди перепугались, искали повсюду. Говорят, что в конце концов в глубине ущелья обнаружили его оторванные руки и ноги, он там умер. Это случилось двадцать-тридцать лет назад, старики, которые знают эту историю, еще живы. В Лесу тэнгу много тэнгу, это известно людям с давних времен.

Действия *тэнгу* из рассказа № 90 оказываются еще более жестокими — он убивает случайно наскочившего на него человека и расчленяет его труп.

¹ Чжоу Цзожэнь в 1931 г. перевел «Предисловие» и пять рассказов (49, 50, 51, 52, 109) из «Тоно моногатари». Впервые они были опубликованы в ежегоднике «Бэй синь» за 1934 г., вошли в состав сборника «Копии для ночного чтения» («Е ду чао»). Приводимые в данной статье рассказы № 3, 4, 5, 7, 62, 90, 107 108 переведены автором на китайский язык по японскому изданию «Рассказов из Тоно» (*Янагита Кунио*. Рассказы из Тоно. Токио, 2001). Перевод был отредактирован профессором Лю Сяофэном из Университета Цинхуа.

Дочь крестьянина из деревни Камиго отправилась в горы собирать каштаны и не вернулась. Ее домашние решили, что она погибла, и устроили похороны. Вместо нее самой похоронили ее подушку. Прошло несколько лет. Некий мужчина из этой деревни отправился на охоту. Когда он находился неподалеку от подножия горы Гоё, он обнаружил нечто вроде пещеры, образованной валунами. Там он неожиданно-негаданно увидел женщину. Они удивились друг другу, мужчина спросил женщину, как она сюда попала. Та отвечала: «Я пошла в горы, на меня напал страшный мужчина, он привел меня сюда. Я хотела убежать, но не сумела». На вопрос о том, как выглядит ее похититель, женщина отвечала: «На вид он как обычный человек, только ростом велик и глаза страшные. Я ему рожала детей, а он говорил, что они на него не похожи, своими не признавал и куда-то утаскивал. То ли сжирал их, то ли просто убивал». Отвечая на повторный вопрос о том, выглядит ли он как обычный человек, женщина сказала: «И одеждой, и всем остальным он как все, только глаза все равно немного другие. В промежутках между базарными днями раз или два сюда приходят такие же мужчины, поговорят о чем-то, потом уходят. Он приносит еду и другие вещи, так что, думаю, он бывает в городе. Он может вернуться, пока мы здесь говорим». Охотник испугался и ушел. С тех пор прошло уже лет двадцать².

В рассказе № 7 мужчина-горец не только похищает женщину, но и съедает живьем, убивает рожденных ею детей, поэтому встречи с ним боится даже вооруженный охотник.

В этих рассказах *тэнгу* и мужчины-горцы отличаются диковинным обликом и жестокостью, поэтому ужас, который они внушают жителям деревни, представляется вполне естественным. Однако есть истории и другого типа — в них облик и характер горных людей совершенно противоположны вышеописанному.

Тип 2: прекрасная горная женщина, мягкий по характеру мужчина-горец не мстят людям, но все равно вызывают ужас.

Глава семьи Ёсибэй из деревни Ямагути отправился на гору Нэккодати. Он нарубил тонких бамбуковых веток, связал их, взвалил себе на плечи, а когда собрался отправиться в путь, над равниной в зарослях бамбука, повсюду задул ледяной ветер. Уставился вдаль и видит — в чаще женщина с младенцем за спиной, по заросшей бамбуком равнине идет прямо к нему. Женщина с виду была прелестной, длинные черные волосы спускались вдоль спины. Шнурки, которыми к ней был привязан ребенок, были сплетены из ветвей глицинии. Одежда она была в обычную полосатую одежду, которую носят в этом мире, весь подол был изорван, с наложенными как попало заплатами из листьев, ноги словно не касались земли. Женщина как ни в чем не бывало приблизилась, прошла прямо перед мужчиной и ушла куда-то вдаль. Он так испугался, что, вернувшись домой, заболел и долго не мог встать с постели. Этот человек только недавно скончался.

В рассказе № 4 горная женщина, встреченная деревенским жителем в горах, поспешила пройти мимо него. Ее облик не был диковинным, человеку она не вредила, так почему же деревенский житель насмерть перепугался? Объяснения этому в рассказе нет.

² Перевод А. М. Мещерякова. Цит. по: Мещеряков А. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М., 2020. — Примеч. пер.

Далеко в горах живут горные мужики. В деревне Тотинаи, что в Ване, до сих пор здравствует человек по имени Сасаки Кахэй, которому уже перевалило за 70 лет. Когда этот почтенный человек был еще молодым, он однажды отправился на охоту. Зайдя уже далеко, вдруг увидел сидящую на скале прекрасную женщину. Она расчесывала гребнем свои длинные черные волосы. Ее лицо было очень белым. Кахэй был смелым мужчиной, он тут же вскинул ружье и выстрелил. Пуля попала в женщину, она упала. Он подбежал к ней и увидел, что женщина велика ростом, а ее распущенные волосы были длиннее ее самой. Желая иметь подтверждение своей лихости, он отрезал прядь, скрутил ее и спрятал за пазуху. На обратном пути его вдруг сморил сон, он отошел в тень и задремал. Когда он пребывал между сном и явью, к нему подошел высокий мужчина, засунул руку за пазуху, достал черный локон и исчез. Тогда Кахэй проснулся. Он говорит, что то был горный мужик³.

Горная женщина из рассказа № 3 тоже красива, она не пыталась причинить вред человеку, тем не менее охотник напал на нее и убил. Однако с появлением мужчины-горца характер истории меняется, жестокость уступает место мягкости и терпимости. Горец не только не мстит охотнику, но, проявляя мягкость характера, забирает срезанную охотником прядь черных волос горной женщины.

С давних времен существовала горная дорога под названием Перевал Фуэфуки, от деревни Тоно она шла к морскому берегу через такие места, как Тахама, Кирикири. Эта дорога была кратчайшим путем от деревни Ямагути до горы Роккосисан, но из-за того, что в последние годы люди, пересекавшие горный хребет, в пути могли встретить горных мужчин и горных женщин, все ощущали страх, и путников на ней постепенно становилось заметно меньше. Люди проложили новую дорогу со стороны хребта Сакайги, теперь путники ходят только этой горной дорогой, [когда] идут торговать лошадьми в Вадзан, хотя этот обходной путь длиннее на два ри.

В рассказе № 5 страх людей перед горными мужчинами и женщинами превращается в обычное явление. Он уже дошел до такой степени, что один лишь взгляд на них вызывает трепет. Неужели и красивое, и доброе тоже устрашает? Это связано с тем, что у деревенских жителей проснулась совесть, или с прекрасными чаяниями автора?

Тип 3: обладающие сверхъестественной силой «горные божества» передают деревенским жителям необычные умения, деревенские жители испытывают благоговейный трепет в отношении «горных божеств».

В деревне Ками живет семья, их дом расположен у берега реки Хаясэгава, поэтому их зовут «Кавамаэ» — семья «у реки». Однажды девушка из этой семьи пошла на отмель собирать камни. Пришел незнакомый мужчина и дал девушке что-то вроде листьев. Он был высокого роста, щеки красные, как киноварь. С того дня девушка овладела искусством прорицания. Говорят, что этот странный человек был божеством с гор, а она стала невестой горного божества.

³ Перевод А. М. Мещерякова. Там же. С. 321. — Примеч. пер.

Горец, который появляется в рассказе № 107, обладает классическим обликом горного мужчины — «красное лицо, высокий рост», — однако его уважительно именуют «горным божеством». Так как он передал девушке «искусство прорицания», девушка именует себя «невестой горного божества».

Во многих местах есть такие люди — благодаря тому, что в них вселилось горное божество, они в совершенстве овладевают искусством прорицания. Такой человек был в деревне Умаумауси, а первоначально он зарабатывал на жизнь рубкой деревьев. Маготаро из Касивадзаки тоже был сведущ в этом искусстве. В прошлом он был помещанным, с помутненным сознанием. Однажды пришел в горы и от тамошнего горного божества получил это умение: все, что у человека на душе, видел насквозь. Люди сразу пугались, это было просто непостижимо. Это искусство прорицания было необычным, он совсем не заглядывал в какие-нибудь книги, только болтал о чем-то с просителем и в это время мог внезапно встать, начать рассказывать по комнате. На лицо того человека он даже малейшего взгляда не бросал. Потом одно за другим говорил то, что появлялось в его собственном сознании и почти всегда предсказывал точно. Например, говорит: «Сними дома пол, раскопай землю внизу, взгляни. Там наверняка закопаны осколки древнего зеркала или меча. Если не вытащишь, вскоре в семье кто-нибудь умрет или в доме будет пожар». Вернулись домой, раскопали землю глядь — действительно лежат эти предметы. Таких примеров было бесчисленное множество.

В рассказе № 108 — последнем из серии рассказов о «горных людях» — сказано, что многие деревенские жители в горах встречали горное божество и принимали от него искусство прорицания. Горное божество, вселившись в тело, могло предсказывать, что ждет человека. К этому моменту страх деревенских жителей в отношении «горных людей» уже трансформировался в «благоговейный трепет». А наименование «горного человека» естественным образом изменилось с *тэнгу* на «горное божество».

Если мы соберем воедино эти три разрозненных повествовательных модели, проявится целостная логика изложения: житель равнины по собственной инициативе нападает на горного человека, горный человек отказывается от «ответа насилием на насилие», переходит на «воздаяние добром за зло», передает магические умения, что пробуждает в душе жителя равнины благоговейный трепет и заставляет почитать горного человека в качестве горного божества. Таким образом, Янагита Кунио конструирует для читателя идеальную модель мирного сосуществования жителей равнин и гор, или колонизаторов и аборигенов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На пустой странице перед предисловием к «Рассказам из Тоно» присутствует посвящение: «Преподаю тем людям, которые пребывают за границей». Хотел ли Янагита Кунио — в эпоху, когда Япония, идя по стопам западных держав, стремилась участвовать в разделе Китая — с помощью выстроенной в книге идеальной модели предупредить правителей, напомнить им о том, что «Китай и Япония пользуются одинаковыми письменами и принадлежат к одной расе», «Китай

и Япония — друзья?⁴ Нам это неизвестно. Но эта идеальная модель мирного урегулирования межэтнических конфликтов сегодня по-прежнему актуальна.

Литература

1. 柳田国男事典. 野村纯一等编. 東京: 勉誠出版. 1998年. [Словарь Янагиты Кунио / под ред. Номуры Юнити. Токио: Бэнсэй, 1998.] (На яп. яз.)
2. 鈴木満男. 華麗島見聞記. 東京: 思索社. 1977年. [Мицуо Судзуки. Сведения об острове Формоза. Токио: Шисаку, 1977.] (На яп. яз.)
3. 大塚英志. 遠野物語と新しい現実. 東京: 角川書店. 2001年. [Эйдзи Оцука. «Рассказы из Тона» и новая реальность. Токио: Кадокава Сётэн, 2001.] (На яп. яз.)
4. 川村湊. 大東亜民俗学の虚実. 東京: 講談社. 1996年. [Минато Кавамюра. Мнимое и реальное в фольклоре Большой Восточной Азии. Токио: Кодан, 1996.] (На яп. яз.)
5. 伊能嘉矩. 台湾踏查日記. 远流出版公司. 1996. [Ино Канори. Дневник полевых исследований на Тайване. Тайбэй: Юаньлю, 1996.] (На кит. яз.)

References

1. *Yanagida Kuno's Dictionary*. Ed. by Nomura Junichi. Tokyo, Bensei Publishing, 1998. (In Japanese)
2. Mitsuo Suzuki. *Knowledge of the Karei Island*. Tokyo, Shisaku Publishing, 1977. (In Japanese)
3. Eiji Otsuka. *Tono Monogatari and new reality*. Tokyo, Kadokawa Shoten, 2001. (In Japanese)
4. Minato Kawamura. *The truth and falsehood of the Greater East Asian Folklore*. Tokyo, Kodan Publishing 1996. (In Japanese)
5. Ino Kanori. *Diary of the Field investigation in Taiwan*. Taipei, Yuanliu Publishing house. 1996. (In Chinese)

Перевод А. Е. Донской

⁴ В июле 1917 г. Янагита Кунио в своем выступлении в г. Мацумото префектуры Нагано упомянул о том, что США на 20 млн из суммы своей части контрибуции по Заключительному протоколу 1901 г. основали Университет Цинхуа для подготовки высококвалифицированных специалистов, и это было действительно дальновидным шагом. Он сетовал: хотя две страны «пользуются одинаковыми письменами и принадлежат к одной расе», «Япония и Китай — родные друг другу, но мы не поспеем за деятелями из других стран, что это за ситуация!».